

Воздух, врывающийся в тайный ход через вентиляционное отверстие, принес с собой удушливый, неистребимый запах крови. Он смешивался с сыростью развороченной земли, рождая тошнотворный дух, от которого перехватывало дыхание.

У Шэна мутило. Желудок словно налился свинцом и тянул вниз, зубы мелко стучали, а перед глазами все плыло и двоилось.

Уездный патруль сюда не заглядывал. Кто же тогда прорвался за подмогой? И кто вообще способен сейчас вернуться в осажденный город?

«Мятежники! Это точно мятежники! Но если они просят помощи... то у кого?!»

От этой мысли у регистратора едва душа в пятки не ушла от ужаса.

Цзян Умянь словно прочитал его мысли. Своим спокойным голосом он вернул впавшего в панику чиновника к реальности:

— Патрульные напали на след бунтовщиков и проникли в город под прикрытием. Разумеется, раскрывать себя они не станут.

На самом деле У Шэн угадал лишь наполовину. Те люди действительно не имели отношения к патрульной службе, но и к мятежникам не принадлежали.

Патрульные обычно вооружались луками и мечами бычий хвост, тогда как у той троицы при себе были прямые мечи хэн — излюбленное оружие регулярной армии. И если эти военные сумели пробиться сквозь охваченный хаосом уезд Шаоюань, чтобы привести подмогу... Чьими людьми они могли быть? К кому спешили за помощью?

Конечно же, к Бай Чуханю. И звали они именно его.

Но даже если эта догадка была чертовски близка к истине, Цзян Умяню не следовало произносить ее вслух.

При первой встрече те воины были переодеты в простое платье, изо всех сил стараясь скрыть свою причастность к армейским лагерям. И если исключить побег со службы, выходило, что Бай Чухань тайно отправил их выведывать планы мятежников, а значит, выдавать их инкогнито было нельзя. Цзян Умянь прощупал их парой вопросов и, поняв, что правду они не скажут, не стал настаивать — просто сделал вид, будто принял их за патрульных.

Пусть в некоторых вопросах они с Бай Чуханем и расходились, Цзян Умянь не привык вставлять палки в колеса без нужды. К тому же сейчас эта ложь отлично подходила, чтобы успокоить взвинченного У Шэна.

Выслушав судью, У Шэн судорожно вздохнул — так глубоко, что едва не поперхнулся, — но зато мгновенно пришел в себя. Если подумать, слова Цзян Умяня звучали вполне разумно.

Пока Цзян Умянь вдохновенно лгал, даже не моргнув глазом, оба советника сохраняли на лицах абсолютное бесстрашие, будто все сказанное — чистейшая правда. Кем на самом деле были те трое — патрульными или лазутчиками Главнокомандующего Бая, — они прекрасно понимали.

В сложившихся обстоятельствах любой мало-мальски проницательный человек почуял бы подвох. Но Цзян Умянь не терпел лишней суеты. Он не желал наживать неприятности, а уж связываться в дела, связанные с Бай Чуханем, — и подавно.

Назови он их патрульными — и в такой неразберихе ложь волей-неволей сойдет за истину. Так он сможет прикинуться неосведомленным глупцом и изящно останется в стороне.

После того как У Шэн успокоился, в тайном проходе воцарилось молчание. К счастью, туннель шел прямо и оказался не слишком длинным. Когда они добрались до конца, крики и звон оружия над головами уже начали затихать.

Выход вел в заброшенный, заваленный хламом склад, куда редко кто заглядывал. Выбравшись наружу, они прикрыли за собой лаз, но заколачивать не стали — мало ли, вдруг еще пригодится.

Перехватив поудобнее двуручный меч модао, Цзян Умянь осторожно скользнул за дверь, чтобы разведать обстановку. Из всей группы он лучше всех умел двигаться бесшумно и скрывать свое присутствие — иначе в свое время он не протянул бы так долго (пусть даже та его жизнь оказалась до обидного короткой, мастерство маскировки он отточил до совершенства).

Шум шагов и конский топот с главных улиц лавиной катились в сторону амбаров, расположенных в паре кварталов отсюда. В темноте замелькали неровные отсветы факелов, резавшие глаза.

Цзян Умянь слился с глубокой тенью под карнизом. Отсюда ему отлично были видны двое всадников у ворот уездной управы.

Тот, что ехал впереди, был облачен в кожаный доспех, едва скрывавший литые, мощные мускулы. Он уверенно держался в седле, устремив тяжелый взгляд на полыхающие амбары. Багровые сполохи пожара, разорвавшие ночное небо над уездом, окрашивали его фигуру в зловещие, кровавые тона. Растрепанные пряди волос небрежно падали на плечи, а в ясных янтарных глазах застыла глухая, беспощадная жажда крови.

Рассмотрев лицо всадника, Цзян Умянь безмолвно застыл.

Мысленно выругавшись от досады, он бесшумно скользнул назад в темноту.

Бай Чухань отвел взгляд от пожара и мазнул глазами по стене, у которой только что скрылся Цзян Умянь. Вспомнив про заброшенные на городскую стену штурмовые кошки, он коротко и тихо усмехнулся.

Генерал Сюэ Вэнь, только что закончивший осмотр управы и насквозь пропахший свежей оружейной ржавчиной, услышал этот смешок, и у него внутри все похолодело. Он так резко дернул головой, что в шейных позвонках явственно что-то хрустнуло — дернись он быстрее, можно было бы подумать, что в него целится убийца за тысячу ли отсюда.

Бай Чухань удивленно приподнял бровь, глядя на своего перепуганного помощника, который сейчас больше походил на актера дешевого уличного театра:

— Шею свернул?

— Никак нет, — Сюэ Вэнь рефлекторно вжал голову в плечи. Стоило командиру заговорить таким вкрадчивым тоном, как у него внутри все сжималось от страха. В прошлый раз, когда Бай Чухань общался с ним подобным образом, Сюэ Вэню пришлось весь лютый декабрь мотаться по заснеженным дорогам и встречать Новый год в полуразрушенном храме, давясь черствыми лепешками.

К счастью, Главнокомандующий быстро посерьезнел и перешел к делу:

— Что в управе?

Вчера они вернулись из похода по зачистке побережья. В трюмы кораблей набили прорву мятежников всех мастей, однако троих главных заправил среди них не оказалось — те явно успели ускользнуть по заранее подготовленному пути. Стоило им прибыть в префектуру Цинчжоу, как вернувшиеся лазутчики доложили: зачинщики бунта, похоже, объявились в Шаоюане.

Но едва они подошли к стенам уезда и выбили ворота, как перед ними предстало страшное зрелище — половина города была объята ревушим пламенем. Пришлось бросить половину сил на тушение пожара, так что уездную управу прочесывал только Сюэ Вэнь с парой отрядов личной гвардии.

Лицо Сюэ Вэня помрачнело. Тихо выругавшись сквозь зубы, он доложил:

— Один труп. Остальные как сквозь землю провалились.

Тело лежало прямо напротив входа. Удар нанесли страшный, наискось через поясницу — несчастного разрубили почти надвое, все внутренности наружу выпустили. Сразу видно, дверь

выносили грубой силой. На окне след от выстрела, но самих стрел в комнате не нашли — только аккуратные отверстия. Работал опытный, хладнокровный стрелок. Никаких зацепок убийцы не оставили: один труп да две дыры в раме, даже зацепиться не за что!

— Ждем, — коротко бросил Бай Чухань, лениво поигрывая плетью. Он так и остался стоять у входа в управу, не делая попыток войти.

Сюэ Вэнь лишь недоуменно почесал затылок. Ждать? Кого или чего? Неужто сбежавшие преступники сами решат вернуться?

Как ни странно, они действительно вернулись. Вот только совсем не так, как ожидал генерал.

По дороге назад Цзян Умянь напряженно размышлял, какого черта Бай Чухань объявился здесь именно сейчас. Разве он не должен преследовать остатки мятежников в открытом море? Неужели умудрился за два месяца переловить всех бунтовщиков и вернуться, не подняв при этом никакого шума? Впрочем, зная непредсказуемый нрав Главнокомандующего Бая, удивляться не приходилось.

Цзян Умянь распахнул дверь склада и без лишних слов выволок одного из пленных.

— Хватайте остальных и за мной.

То, что Бай Чухань вызывал у него глухое раздражение и общаться с ним не хотелось, было делом личным. Но то, что у него на руках оказались ценные пленники из числа мятежников, которых требовалось передать военным, вынуждало пойти на контакт. К тому же уезд Шаоюань, дважды за короткое время разграбленный бунтовщиками, остался без продовольственных запасов — резервные склады сгорели дотла, население катастрофически сократилось, а казна уезда пустовала. Обо всех этих бедствиях кто-то должен был подробно отчитаться перед тронем, и лучше всего, если это сделает сам Бай Чухань в своем докладе императору.

Сам Цзян Умянь был всего лишь уездным судьей. Его первый официальный доклад на новой должности неизбежно превратился бы в стандартную верноподданническую отписку: слезные излияния благодарности за великую милость государя, щедро разбавленные похвалами в адрес губернатора Бая за доблестное искоренение зла и усмирение бунта, а в конце — дежурные клятвы трудиться на благо империи до последнего вздоха. Если же подавать отдельное прошение с подробным описанием бедствий Шаоюаня и просьбой выделить средства на восстановление уезда, то бумагу с его скромной подписью в столице будут рассматривать месяцами, если вообще не затеряют в канцеляриях. Гораздо надежнее действовать через Бай Чуханя — его донесения ложились напрямую на императорский стол.

Советники Цзян Цю и Чжао Чэн действовали слаженно. Схватив по бунтовщику и крепко сжав

рукояти оружия, они перестроились клином, надежно укрыв в середине растерянного, но послушно семенившего за ними регистратора У Шэна, и покинули склад.

Оказавшись на улице во второй раз за эту безумную ночь, У Шэн поднял голову и со страхом посмотрел на полыхающий горизонт. Он понимал, что потушить амбары до утра не удастся. Тонны зерна уже превратились в тлеющую серую массу, а когда рухнули обугленные стропила, все смешалось в сплошное черно-серое месиво, где невозможно было отличить угли от сгоревшего хлеба.

Государственные амбары сгорели. Уничтожены прямо у него на глазах.

Только теперь в полной мере осознав весь масштаб катастрофы, регистратор У словно постарел на десяток лет: плечи его безжизненно поникли, и он побрел следом за судьей, словно деревянная кукла.

Едва они вышли за ворота управы, как натолкнулись на ожидавшего их Бай Чуханя. Несмотря на ночную темень и разделявшее их расстояние, Главнокомандующий сразу заметил появление Цзян Умяня. На его лице тут же заиграла мягкая, дружелюбная улыбка, а взгляд янтарных глаз потеплел — казалось, перед ними стоял совершенно другой человек, а не тот безжалостный воин, что мгновение назад взирал на пожар.

Он направил коня к ним, легко соскочил на землю и окинул взглядом троих связанных по рукам и ногам пленников.

— Какая неожиданность, господин уездный судья! Сами изволили разбойников вязать? Премного благодарен за труды, — раздался его насмешливый голос.

С этими словами он небрежно махнул рукой, приказывая гвардейцам забрать троих связанных бунтовщиков, которые с мешками на головах и кляпами во рту напоминали безмолвные бревна.

Этот вкрадчивый, издевательский тон Бай Чуханя всегда действовал Цзян Умяню на нервы — вроде бы благодарит, а звучит так, будто издевается. Передав пленников подоспевшим солдатам, судья невольно сжал пальцами холодную рукоять своего двуручного меча. Будь его воля, он бы с удовольствием проучил этого невыносимого наглеца парой точных ударов по физиономии.

Однако, вовремя вспомнив, что перед ним стоит прославленный генерал и губернатор провинции, фактически его прямой начальник, Цзян Умянь сдержал порыв и сухо процедил дежурную любезность:

— Мои скромные усилия меркнут перед ратными подвигами губернатора Бая, укротившего мятеж на южных рубежах.

Бай Чухань пропустил яд мимо ушей и с обезоруживающей улыбкой принял комплимент:

— Ну что вы, господин судья, вы мне льстите.

Стоявший на полшага позади них Сюэ Вэнь едва не застонал от этой сцены. Слушать их словесную пикировку было физически больно — у него аж голова разболелась, а в желудке завязался тугой узел. Генерал всей душой желал провалиться сквозь землю, но, боясь привлечь к себе лишнее внимание, застыл изваянием с каменным лицом.

Если Сюэ Вэнь не мог просто так развернуться и уйти, то Цзян Умяня условности не сдерживали:

— Все подробности о бесчинствах мятежников вам поведает регистратор У. Нам же пора заняться пожаром на складах. Позвольте откланяться.

Это не было пустой отговоркой — судье действительно нужно было срочно оценить ущерб, нанесенный продовольственным запасам, а заодно проверить, в каком состоянии находится оружейный склад. Судя по всему, местная оружейная палата представляла собой удручающее зрелище, и если затянуть с осмотром, огонь уничтожит последние следы преступной халатности прежних властей.

Спустя пару кварталов перед ними открылось бушующее море огня. Бывшие амбары превратились в ревущий костер, от которого во все стороны летели искры и валил едкий, режущий глаза дым. Тот, кто руководил тушением, явно знал свое дело: по его приказу люди без устали таскали воду, обильно поливая соседние деревянные постройки. Действовали они хитро — выливали лишь половину ведра, а остаток смешивали со взрыхленной землей, превращая ее в густую грязь, и этой жижей замазывали стены. Справиться с бушующим в самих амбарах пламенем было уже невозможно, поэтому все силы бросили на спасение уцелевших строений.

Ближе всех к эпицентру находился оружейный склад. Половина его уже обуглилась и рухнула, а уцелевшую часть наспех залепили толстым слоем липкой грязи, отчего здание напоминало поднятую со дна реки кучу хлама. У Цзян Умяня при виде этого зрелища заныли виски. С трудом подавив раздражение, он молча засучил рукава и вместе со своими советниками принялся копать землю, смешивать ее с водой и бросать в огонь.

Цзян Цю и Чжао Чэн бесшумно последовали его примеру. Со стороны казалось, что их господин не просто яму копает, а яростно разрывает чью-то могилу — словно под толщей земли был зарыт его предшественник, и Цзян Умянь вознамерился извлечь его кости, чтобы сжечь дотла и развеять прах по ветру.

Когда Цзян Умянь ушел, Бай Чухань долго смотрел ему вслед, пока хрупкий силуэт судьи не

растворился в клубках дыма и ночной темноте.

Оставшийся наедине с военными У Шэн мысленно проклинал свою долю. Одно дело — спорить с покладистым Цзян Умянем, и совсем другое — стоять перед грозным Главнокомандующим. Понимая, что любое неосторожное слово может стоить ему головы, регистратор благоразумно прикусил язык.

— Как вы вообще пробрались внутрь? — подал голос Сюэ Вэнь, едва Цзян Умянь скрылся из виду. Он с недоверием оглядел ворота усадьбы, сиюсь разгадать загадку.

Что-то здесь явно не сходилось. Раны на трупе в кабинете были совсем свежими. Будь убийца обычным человеком, он побежал бы через парадный вход и неизбежно столкнулся бы либо с ворвавшимися мятежниками, либо с их собственным отрядом. Однако усадьбу обыскали сверху донизу, а загадочный мститель словно испарился, чтобы затем преспокойно выйти к ним с черного хода.

Прежде чем У Шэн успел открыть рот, генерал хлопнул себя по лбу:

— Тайный ход? Неужели под управой есть подземный лаз?

— Прорыли еще во времена прошлых смут, — уныло подтвердил У Шэн. — Вход находится в дальнем конце тюремного подвала. Решетки там совсем недавно укрепили, так что, пока мятежники ломали замки, мы успели уйти.

Сюэ Вэнь нахмурился:

— И из всей управы уцелел только ты один?

Регистратор безнадежно махнул рукой и с тихим вздохом ответил:

— Никто больше не спасся. Прежний судья трусливо сбежал, его помощник пал смертью храбрых при обороне стен. Все дела уезда свалились на мои плечи, и ключи от «железного треугольника» хранились у меня.

— Бунтовщики нагрянули внезапно. Я едва успел переговорить с заведующим тюрьмой и архивом и поменяться с ним ключами от казны и камер. Опасаясь, что эти головорезы начнут пытаться горожан, вымогая провизию, я оставил ключи от амбаров на видном месте, а ценные дубликаты велел спрятать в подземной темнице.

«Железным треугольником» в уезде испокон веков именовали три столпа местной власти: казну, зерновые склады и тюрьму. Посторонним вход туда был строго заказан. Казна и амбары всегда находились под строжайшим контролем: при любой смене чиновников каждый мешок риса и каждый серебряный слиток пересчитывали по нескольку раз. А вот на сырые казематы

никто никогда не обращал внимания — лучшего места, чтобы спрятать ключи, было не сыскать. К тому же прятал их сам заведующий тюрьмой и архивом Ван, который знал каждый темный угол в своих владениях.

— Мятежники отобрали у меня ключи от амбаров и камер, но до казны добраться так и не смогли. Решив, что я утаил сокровища уезда, они заперли меня в пристройке на заднем дворе под надзором стражи. Кормили раз в день жидкой рисовой бурдой, лишь бы не подох раньше времени. Всех остальных служащих швырнули в подземные казематы. Они уже двое суток не видели ни капли воды.

Очевидно, что пленным готовили медленную, мучительную смерть.

Дальнейший рассказ У Шэна ничем не удивлял: долгие часы томительного ожидания в страхе за свою жизнь, неожиданное появление нового уездного судьи, побег через потайной ход, вести о прибытии подмоги и, наконец, долгожданная встреча с карательным отрядом губернатора Бая.

Услышав одну из фраз регистратора, Бай Чухань едва заметно прищурился и бросил на него быстрый взгляд.

«Патрульная инспекция забила тревогу? — мысленно усмехнулся губернатор. — Надо же, как ловко этот новоиспеченный судья превратил моих передовых разведчиков в скромных уездных патрульных!»

У Шэн, поглощенный своими переживаниями, не заметил этого мимолетного жеста. Он все еще сокрушался о потерянном зерне и торопливо объяснял Сюэ Вэню, почему решил пожертвовать амбарами ради спасения казны.

— Прежний судья труслив был, на казну посягнуть побоялся — там и сейчас уцелело не меньше семи десятков мер из каждых ста, — горячо заговорил регистратор. Как опытный счетовод, он знал уездную книгу доходов вдоль и поперек. — А вот со складами дело шло иначе. Там и трети запасов не оставалось, так что отдавать их было не жалко. Наш прежний господин спелся с местными торговцами зерном и тайно распродал государственные резервы. То, что досталось бунтовщикам, — сущие крохи по сравнению с тем, что вывезли до них.

Уж лучше было скормить мятежникам полупустые закрома, чем позволить им грабить дома мирных жителей. Кто же знал, что эти безумцы, осознав, что не смогут унести награбленное, просто предадут все огню?

Теперь Бай Чуханю стало предельно ясно, для чего Цзян Умянь оставил здесь своего регистратора. Судья тонко и расчетливо разыграл свою карту. Руками своего подчиненного он недвусмысленно давал понять Главнокомандующему: уезд Шаоюань разорен, здесь нет ни зерна, ни свободных рук, ни средств. И теперь Баю волей-неволей придется подробно изложить все это в своем донесении императору, смиренно выпрашивая у трона серебро и провиант для

пострадавших окраин.

<http://bllate.org/book/19045/1903323>